

Научная статья

УДК 347.963

DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388

EDN MPPMGN

Требование прокурора об изменении нормативного правового акта: существующая практика и перспективы использования

Светлана Васильевна Праскова

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>

АННОТАЦИЯ

Требование прокурора об изменении нормативного правового акта (далее – требование) является уникальным актом, отличным от иных актов прокурорского реагирования, а также иных форм, в которых отражаются результаты антикоррупционной экспертизы. Однако в официальной статистике Генпрокуратуры России количество внесенных требований не отражается, судебная практика по делам, связанным с ними, фактически отсутствует. Невелик интерес к этому вопросу и в науке. Эти обстоятельства обусловили задачами статьи выявить особенности требования, а также дать оценку существующей практике и перспективам его использования.

На основе анализа законодательства и научных позиций автор приходит к выводу, что требование является самостоятельным актом прокурорского реагирования, отличным от протеста, представления и предостережения. Четкого противопоставления между требованием и видами заключений, в которых отражаются результаты антикоррупционной экспертизы, нет. Требование по своей природе родственно рекомендательным заключениям и существенно отличается от обязательных заключений по результатам антикоррупционной экспертизы.

Проанализировав материалы судебной практики и сравнив редакции законодательства об антикоррупционной экспертизе разного времени, автор приходит к выводу, что изначально при введении института антикоррупционной экспертизы предполагалось, что требование должно иметь властно-распорядительный характер и быть обязательным для исполнения правотворческим субъектом, но эта позиция была отвергнута судами. В настоящее время признано, что требование обязательно к рассмотрению органом или должностным лицом, но не к исполнению. Окончательный ответ на вопрос о необходимости изменения нормативного правового акта дает только суд в процессе оспаривания прокурором его законности.

В завершении обращается внимание на изменение регулирования рассматриваемого вопроса в актах Генпрокуратуры России. Делается вывод о тенденции к уменьшению внимания прокуратуры к проведению антикоррупционной экспертизы. Предложено исключить требование из системы действующего правового регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

антикоррупционная экспертиза, требование прокурора, обязательность исполнения, акт прокурорского реагирования, коррупциогенные факторы, заключение

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Праскова С.В. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта: существующая практика и перспективы использования // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 4. С. 378–388. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388. EDN MPPMGN

Original article

The prosecutor's requirement to change the regulatory legal act: existing practice and application prospects

Svetlana V. Praskova

Baikal State University, Irkutsk, Russia
savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>

ABSTRACT

The requirement of the prosecutor to change the regulatory legal act (hereinafter referred to as the requirement) is a unique act different from other acts of the prosecutor's response, as well as other forms that reflect the results of anti-corruption examination. However, the official statistics of the Prosecutor General's Office of Russia do not reflect the number of requirements made, judicial practice in cases related to them is virtually absent.

© Праскова С.В., 2022

There is little interest in this issue in science. These circumstances determined the tasks of the article to identify the features of the requirement, as well as to assess the existing practice and prospects for its use. Based on an analysis of legislation and scientific positions, the author concludes that the requirement is a self-directed act of prosecutorial response, different from protest, presentation and caution. There is no clear contrast between the requirement and the types of conclusions that reflect the results of the anti-corruption examination. The requirement is inherently related to advisory opinions and differs significantly from mandatory conclusions based on the results of anti-corruption examination. After analyzing the materials of judicial practice and comparing the versions of the legislation on anti-corruption examination of different times, the author comes to the conclusion that initially, when the institution of anti-corruption examination was introduced, it was assumed that the requirement should be of a governmental and administrative nature and be binding on the legal entity, but this position was rejected by the courts. Currently, it is recognized that the requirement is mandatory for consideration by a body or official, but not for execution. The final answer to the question of the need to change the regulatory legal act is given only by the court in the process of challenging the prosecutor's legality.

In conclusion, attention is drawn to the change in the regulation of the issue under consideration in the acts of the Prosecutor General's Office of Russia. It is concluded that there is a tendency to reduce the attention of the prosecutor's office to conducting an anti-corruption examination. It is proposed to exclude the requirement from the system of current legal regulation.

KEYWORDS

anti-corruption examination, prosecutor's requirement, mandatory execution, act of prosecutor's response, corruption factors, conclusion

FOR CITATION

Praskova S.V. The prosecutor's requirement to change the regulatory legal act: existing practice and application prospects. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2022;23(4):378–388. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(4).378-388. EDN MPPMGN

Введение

Современное состояние действующего законодательства характеризуется значительным увеличением количества нормативно-правовых актов и качественным усложнением взаимосвязей между ними. Дифференциация публично-властных полномочий между уровнями власти в сочетании со сквозной отраслевой структурой исполнительно-распорядительной деятельности неизбежно приводит к конкуренции, а порой — к коллизии норм. В таких условиях обеспечение единства, непротиворечивости и иерархичной взаимосвязи внутри системы законодательства становится предметом самостоятельной контрольной деятельности, одними из активных участников которой являются органы прокуратуры.

Анализ содержания нормативных правовых актов и их оценка на предмет соответствия вышестоящим актам не является отдельным видом надзорной деятельности прокуратуры, но имманентно присуща отдельным видам прокурорского надзора. Согласно статьям 23 и 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее — ФЗ о прокуратуре) если при осуществлении надзора за исполнением законов прокурором выявлено противоречие правового акта закону, либо при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выявлено нарушение правовым актом прав человека и граж-

данина, прокурор вносит протест на него правотворческому субъекту либо обращается в суд.

Одновременно статья 9.1 ФЗ о прокуратуре закрепляет в качестве отдельного вида деятельности прокуратуры проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Не углубляясь в дискуссию по вопросу о природе антикоррупционной экспертизы, согласимся с мнением, что антикоррупционная экспертиза представляет собой частный случай правовой экспертизы, ее самостоятельную разновидность [1, с. 690]. А потому, с одной стороны, она может быть формой оценки правомерности содержания нормативного правового акта, осуществляемой не только прокуратурой, но и иными субъектами, с другой — в рамках работы прокуратуры проведение антикоррупционной экспертизы напрямую не связано с каким-либо видом надзора, хотя и не изолировано полностью от него. Строго говоря, формулировки ФЗ о прокуратуре позволяют проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов как в рамках прокурорского надзора, так и в качестве самостоятельного вида деятельности. Такая обособленность породила дискуссии о надзорной либо о вненадзорной природе этого вида прокурорской деятельности [2, с. 94–95]. Но обусловлена она в первую очередь историей появления института антикоррупционной экспертизы в отечественном законодательстве.

Основанием введения антикоррупционной экспертизы в отечественную правотворческую

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

практику стало принятие Российской Федерацией в 2006 году² обязательств, предусмотренных Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции³. Положение пункта 3 статьи 5 этого международного акта, предписывающее государствам-участникам необходимость периодического проведения оценки соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней, нашло свое отражение в виде одной из мер по профилактике коррупции (пункт 2 статьи 6 Федерального закона «О противодействии коррупции»⁴). Затем был принят Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»⁵ (далее – ФЗ об АКЭ), определивший нормативные основы осуществления такой деятельности для всех субъектов, и внесены изменения в ФЗ о прокуратуре⁶. На тот момент активно велись дискуссии о природе антикоррупционной экспертизы⁷, и законодатель, помещая положения о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в общие положения ФЗ о прокуратуре и непосредственно после статьи 9, регулирующей участие прокурора в правотворческой деятельности, ве-

роятно, хотел подчеркнуть, что это родственные, хоть и нетождественные виды деятельности.

Однако наиболее специфичной характеристикой данного вида прокурорской деятельности является его результат – требование об изменении нормативного правового акта. Такой акт прокурорского реагирования предусмотрен только в рамках проведения прокурорами антикоррупционной экспертизы и не согласуется ни с видами надзорной деятельности, ни с традиционными актами прокурорского реагирования (протест, представление, постановление, предостережение о недопустимости нарушения закона). Не характерен он и для иных субъектов, осуществляющих антикоррупционную экспертизу: выводы о наличии коррупциогенных факторов и предложения по их устранению они отражают в заключении (пункт 2 части 1, части 4.1, 5 статьи 4 ФЗ об АКЭ). Иначе говоря, законодатель именно для этого вида прокурорской деятельности создал уникальный вид акта, который больше нигде не применяется. Уже одно это обстоятельство вызывает необходимость пристального изучения требования.

Обоснование проблемы

Антикоррупционная экспертиза в России осуществляется уже более десяти лет и прокуратура является одним из наиболее активных ее субъектов. Однако анализ статистических данных, размещенных на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁸, показывает, что результаты антикоррупционной экспертизы отдельно не фиксируются. Статистика по количеству нормативных правовых актов, в которых выявлены коррупциогенные факторы, размещена только за период с 2011 по 2015 год. В настоящее время такие показатели в общедоступных сведениях не размещены, что, вероятно, свидетельствует о существенном снижении интереса прокуратуры к данному виду деятельности. Отдельно следует отметить, что статистика результатов деятельности прокуратуры за исполнением законодательства о противодействии коррупции ведется по показателям количества протестов, представлений, постановлений и пр., но количество требований в ней не указано (и не было указано даже в тот период, когда размещалась статистика по выявленным коррупциогенным факторам). Разумеется, отсутствие официальных сведений о количестве внесенных требований еще не означает, что такой

² В науке справедливо отмечается, что предпосылки введения антикоррупционной экспертизы в России появились раньше, в связи с принятием в 2003 году Модельного закона СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» и в 2005 году – Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. [3, с. 42–43; 4, с. 60–61]. Однако этими документами предусматривалось разное понимание содержания антикоррупционной экспертизы, а свое нормативное регулирование в существующем ныне понимании она получила именно после ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 окт. 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

⁴ О противодействии коррупции : Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

⁵ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» : Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3608.

⁷ Например, предлагалось понимать антикоррупционную экспертизу как криминологическую [5] или как комплексную юридико-экономическую или юридико-лингвистическую [6].

⁸ Статистические данные : Офиц. сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 01.11.2022).

практики нет⁹. Как, впрочем, и наличие данных о количестве проведенных экспертиз и выявленных коррупциогенных факторов не доказывает эффективность применения антикоррупционный экспертизы [8, с. 28]. Однако отсутствие любых официальных сведений, позволяющих определить интенсивность и результативность использования прокурорами данного акта прокурорского реагирования, настораживает.

Другим тревожным индикатором является практически полное отсутствие судебной практики, связанной с внесением прокурорами требований. В единичных судебных актах содержатся упоминания о внесении прокурорами требований, но и в этом случае они не являются предметом судебного разбирательства. Например, Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая административный иск о признании недействующим приказа Минэкономразвития России, упомянул о том, что Генеральной прокуратурой Российской Федерации была проведена антикоррупционная экспертиза этого акта, по результатам которой в адрес Минэкономразвития России направлено требование об изменении нормативного правового акта с целью исключения выявленных коррупциогенных факторов. Однако этот факт приводится лишь в том контексте, что в оспариваемых заявителями пунктах Генеральная прокуратура Российской Федерации коррупциогенные факторы не выявила¹⁰.

Не является требование предметом пристального внимания и в научной литературе. Отдельных монографических работ, посвященных этому акту прокурорского реагирования, автору найти не удалось¹¹, интерес в периодической научной литературе также невелик: основная часть статей издана в период с 2011 по 2015 годы.

На наш взгляд, в совокупности эти факторы свидетельствуют о том, что практика применения требования как акта прокурорского реагирования незначительна и находится на периферии внимания работников прокуратуры.

⁹ Например, прокурор С.В. Филатов в своей статье приводит следующие цифры: прокуратурой Тамбовской области в 2012 г. внесено 61 требование, в 2013 г. – 77, в 2014 – 89. И в целом он призывает к увеличению практики внесения требований с целью «ухода от необоснованных временных и финансовых расходов государства на разбирательство в судах» [7, с. 42].

¹⁰ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 февр. 2018 г. № АПЛ17-538 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10 (извлечение).

¹¹ Следует отметить, что требование исследовалось в диссертационных исследованиях в рамках системы иных требований прокурора [10] либо в рамках системы актов прокурорского реагирования в целом [11], но не как самостоятельный объект изучения.

Одновременно в актуальной юридической периодике появляются весьма обоснованные призывы к признанию антикоррупционной экспертизы в отдельных ее проявлениях неудачным экспериментом в России [9]. В этой связи стоит задаться вопросом: а нужен ли российской прокурорской деятельности такой уникальный акт реагирования как требование? Доказана ли его эффективность более чем десятилетним опытом применения и следует ли эту практику поощрять в будущем?

Эти обстоятельства определяют постановку задач настоящего исследования: рассмотрение особенностей требования как акта прокурорского реагирования и как результата проведения антикоррупционной экспертизы; оценка на основе практики применения эффективности и перспектив использования требования в рамках прокурорской деятельности.

***Требование об изменении
нормативного правового акта
как акт прокурорского реагирования***

Положения ФЗ об АКЭ и ФЗ о прокуратуре предельно лаконично определяют природу и юридическое значение требования. Предусмотрено лишь, что при выявлении в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов прокурор вносит в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование с предложением способа устранения выявленных коррупциогенных факторов. Правотворческий субъект обязан рассмотреть требование не позднее чем в десятидневный срок, а представительный орган – на ближайшем заседании, и сообщить о результатах рассмотрения прокурору. Предусмотрена также возможность отзыва прокурором требования до его рассмотрения правотворческим субъектом и одновременно возможность обжалования требования в судебном порядке тем лицом, которому оно адресовано.

В целом правовое регулирование практически идентично регулированию таких актов прокурорского реагирования, как протест, представление и предостережение. А потому с момента закрепления этих положений в законодательстве наиболее оживленные дискуссии в науке вызывал вопрос о соотношении требования с этими родственными актами прокурорского реагирования.

Наиболее близким к требованию является протест, который является формой реагирования на нарушения, выявленные в содержании правового акта. Однако требование и протест имеют существенные различия. Во-первых, предметом

требования могут быть только выявленные коррупциогенные факторы, тогда как предметом протеста – любые нарушения закона, содержащиеся в правовом акте. Во-вторых, протест может быть внесен как на нормативный, так и на индивидуальный акт органа власти или должностного лица [12], тогда как требование вносится только в отношении нормативных правовых актов.

Следует подчеркнуть, что требование не может быть результатом проведенной прокурором антикоррупционной экспертизы проекта нормативного правового акта, хотя буквальное толкование пункта 1 части 1 статьи 4 ФЗ об АКЭ в его системной взаимосвязи с абзацем первым той же статьи допускает это предположение. Но это допущение опровергается названием и содержанием статьи 9.1 ФЗ о прокуратуре. Согласно положениям указанной статьи требование вносится по результатам антикоррупционной экспертизы только действующих нормативных правовых актов. И именно это свойство отличает требование от предостережения о недопустимости нарушения законов. Последнее является актом прокурорского реагирования, направленным на предупреждения правонарушения (статья 25.1 ФЗ о прокуратуре), а потому в рамках правотворческой деятельности может применяться только в отношении проектов нормативных правовых актов. На практике, как правило, этим средством прокуроры не пользуются. Выявив коррупциогенные факторы в проекте нормативного правового акта, они в рамках полномочий, предусмотренных статьей 9 ФЗ о прокуратуре, направляют в правотворческие органы информацию о коррупциогенности норм. В литературе отмечается, что при этом прокуроры должны контролировать процесс корректировки проекта, на дефекты которого было обращено внимание в информации, и в случае неустранения коррупциогенных факторов на стадии рассмотрения проекта незамедлительно вносить требования после вступления соответствующего нормативного правового акта в силу [3, с. 95]. Таким образом, внесение предостережения может предшествовать внесению требования.

Наконец, от представления требование отличается предметом. Представление вносится прокурором на конкретное нарушение, которое чаще всего выражается в действии или бездействии. Но непреодолимых препятствий для того, чтобы потребовать в форме представления по результатам одной проверки устранения коррупциогенных факторов в нормативном правовом акте, наряду с иными выявленными нарушениями, не существует.

Согласимся с Н.Р. Корешниковой, что требование прокурора об изменении нормативного правового акта – это самостоятельный надзорный акт реагирования прокурора, применяемый в надзорной деятельности, направляемый органам и должностным лицам, которые издали правовой акт, содержащий признаки коррупциогенных факторов, содержащий требование о его изменении в срок, установленный законодательством [11, с. 18].

Таким образом, основным отличием требования от иных родственных актов прокурорского реагирования является крайне узкий предмет: выявление коррупциогенных факторов в действующих нормативных правовых актах. Однако эта особенность никоим образом не объясняет, зачем законодатель ввел требование как отдельный акт прокурорского реагирования. Ведь очевидно, что требования прокурора об устранении выявленных коррупциогенных факторов нередко реализуются в традиционных актах прокурорского реагирования: в отношении действующих нормативных правовых актов – протест и представление; в отношении их проектов – предостережение и информация. Именно узкоспециализированная направленность требования неудобна для использования в прокурорской работе, так как преимущественно предметом проверки является деятельность поднадзорного субъекта, а не отдельный нормативный правовой акт, и результатом проверки является комплекс выявленных нарушений, а не исключительно коррупциогенные факторы.

Для ответа на вопрос о предназначении требования обратимся к его природе в качестве результата антикоррупционной экспертизы.

***Требование об изменении
нормативного правового акта как результат
антикоррупционной экспертизы***

ФЗ об АКЭ, регламентируя оформление результатов антикоррупционной экспертизы, в качестве основной формы предусматривает заключение, что вполне логично следует из природы этой деятельности как разновидности правовой экспертизы. Исключение сделано лишь для прокуратуры, отражающей выявленные в действующих нормативных правовых актах коррупциогенные факторы в требовании. Однако четкими содержательными различиями это деление не подкреплено.

В настоящее время единый подход к регулированию заключений по результатам антикоррупционной экспертизы отсутствует. Можно выделить следующие разновидности заключений.

1. Заключение по результатам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Министерством юстиции Российской Федерации при государственной регистрации федеральных ведомственных нормативных правовых актов и уставов муниципальных образований (пункт 3 части 3 статьи 3 ФЗ об АКЭ). Такие заключения носят обязательный характер и в случае выявления коррупциогенных факторов в проверяемых нормативных правовых актах последние не подлежат государственной регистрации (часть 4.1 статьи 4 ФЗ об АКЭ).

2. Иные заключения по результатам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Министерством юстиции Российской Федерации (пункты 1, 3, 4 части 3 статьи 3 ФЗ об АКЭ). Такие заключения носят рекомендательный характер, но подлежат обязательному рассмотрению правотворческим субъектом (часть 5 статьи 4 ФЗ об АКЭ).

3. Заключение по результатам аутентической антикоррупционной экспертизы, т. е. экспертизы, проводимой самим правотворческим субъектом (часть 4 статьи 3 ФЗ об АКЭ). В настоящий момент требования к таким заключениям, а также их юридическое значение определяются исключительно собственными правовыми актами органов и должностных лиц (пункт 3 части 1 статьи 3 ФЗ об АКЭ).

4. Заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы. В нем должны быть указаны выявленные коррупциогенные факторы и предложены способы их устранения. Такое заключение носит рекомендательный характер, но подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, в тридцатидневный срок со дня его получения (части 2 и 3 статьи 5 ФЗ об АКЭ).

Сравнив это регулирование с вышеописанным содержанием требования, можно прийти к выводу, что природа требования аналогична природе рекомендательных заключений Минюста России и заключений независимой антикоррупционной экспертизы. Эти результаты носят рекомендательный характер, но подлежат обязательному рассмотрению правотворческим субъектом. А в их содержании должны быть указаны выявленные коррупциогенные факторы и предложены пути устранения.

От них качественно отличаются обязательные заключения Минюста России и заключения аутентической антикоррупционной экспертизы: нормативная регламентация их минимальна, но

обязательность исполнения обеспечивается пресекательным характером отказа Минюста в регистрации нормативного правового акта и административно-командной системой внутреннего антикоррупционного аудита.

Таким образом, из взаимосвязи требования с иными формами результатов антикоррупционной экспертизы также не явствуют те особенности, исходя из которых законодатель выделил требование как особый способ оформления результатов антикоррупционной экспертизы.

Для того, чтобы выявить цели законодателя при введении требования как особого вида акта прокурорского реагирования и результата антикоррупционной экспертизы, необходимо обратиться к началу практики реализации антикоррупционной экспертизы в России.

Практика внесения прокурорами требований об изменении нормативного правового акта

Следует отметить, что первоначальная редакция ФЗ об АКЭ в части регулирования юридического значения различных результатов антикоррупционной экспертизы существенно отличалась от действующей. Изначально статья 4 не предусматривала внутренней дифференциации заключений по их юридическому значению. Напротив, закреплялось, что все заключения носят рекомендательный характер (часть 5 статьи 4 ФЗ об АКЭ в редакции 2009 года). Разделение заключений на обязательные и рекомендательные было проведено только в 2011 году¹². И, как представляется, именно в этом контексте они противопоставлялись требованию.

И именно этот вопрос вызвал наиболее оживленные дискуссии в науке и правоприменительной практике.

На начальных этапах внедрения антикоррупционной экспертизы высказывались мнения об обязательности исполнения требования. Так, А.И. Петров, проанализировав положения законодательства, пришел к выводу, что требование «подлежит обязательному исполнению и, в случае несогласия с ним, соответствующее должностное лицо или орган лишь вправе обжаловать его в том числе в судебном порядке, предварительно исполнив его посредством внесения изменений в нормативный правовой акт» [13, с. 261]. Той же позиции, хотя и менее определенно при-

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6730.

держивается С.В. Филипенко, утверждая, что рассмотрение требования «предполагает также наличие у адресата обязанности учесть требование в установленном порядке. Наличие данной обязанности является еще одним отличием требования от протеста» [12, с. 129].

Другие авторы, напротив, утверждали, что «обязательность рассмотрения требования не означает обязательное согласие с доводами, изложенными в требовании, и безусловную реализацию содержащихся в них предложений» [14, с. 12].

Основанием для столь диаметрально противоположного толкования является неопределенность законодательной формулировки. ФЗ об АКЭ не закрепляет норм о юридическом значении требования, оставляя этот вопрос для регулирования специальным законом. ФЗ о прокуратуре в статье 9.1 также не содержит каких-либо правил об обязательности исполнения требования. Однако положения этой статьи должны толковаться в системной взаимосвязи с иными нормами данного закона. Пункт 1 статьи 6 ФЗ о прокуратуре предусматривает, что требования прокурора, вытекающие из его полномочий, предусмотренных статьей 9.1, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Каких именно полномочий Федеральный закон не уточняет, но в контексте аналогичных отсылок к полномочиям прокурора в рамках осуществления надзора за исполнением законов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина представляется, что речь идет именно об обязательности исполнения требования об изменении нормативного правового акта. В этой связи важно, что обязательность исполнения протеста, представления и предостережения статьей 6 ФЗ о прокуратуре не закреплена. Таким образом, позиция авторов, которые полагали необходимым обязательное исполнение требования, вполне обоснована системным толкованием положений законодательства о прокуратуре.

Эта же позиция прокуратуры следует из отдельных судебных решений периода начала осуществления антикоррупционной экспертизы. Так, прокурор Печорского района Псковской области обратился в суд с иском в интересах Российской Федерации о признании незаконным бездействия Собрания депутатов сельского поселения «Изборская волость» по неисклечению коррупционных факторов из нормативного правового акта и о возложении обязанности по внесению изменений с целью исключения коррупционных факторов. Однако суд в удовлетворении заявленных требований отказал, придя к выводу,

что прокурором избран неверный способ защиты интересов Российской Федерации. Вывод мотивирован тем, что императивные (не допускающие выбора) предписания законодательства дают прокурору право оспаривать в суде сами нормативные правовые акты на предмет их соответствия федеральному законодательству, а не бездействие нормотворца, что прямо противоречит статье 12 Конституции Российской Федерации. Решение суда первой инстанции оставлено без изменений судом апелляционной инстанции¹³. Аналогичный опыт был в ряде других регионов¹⁴.

Таким образом в 2009–2011 годах прокуратурой была предпринята попытка формирования судебной практики, исходя из обязательности исполнения требования.

И именно в этом контексте становится понятным противопоставление требования иным основным актам прокурорского реагирования в рамках надзора за исполнением законов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Признание обязательности исполнения требования наделило бы его властно-распорядительным характером и поставило бы в один ряд с актами прокурорского реагирования в рамках надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, и надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Однако эта трактовка не нашла поддержки в рамках судебной системы. Суды отказали в признании требования обязательным для исполнения правотворческим субъектом. И сегодня не подвергается сомнению позиция, согласно которой требование имеет ту же природу, что и иные акты прокурорского реагирования в рамках соответствующих видов надзорной деятельности. Общим свойством этих актов является то, что прокуроры «обладают четко очерченной законом и ограниченной властью по отношению к указанному в законодательстве кругу субъектов. Это обстоятельство определяет характер изложенных в акте требований прокурора, которые

¹³ Апелляционное определение Псковского областного суда от 10 мая 2012 г. по делу № 33-710 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

¹⁴ См., например: определение Самарского областного суда от 05 сент. 2011 г. по делу № 33-9243/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Рязанского областного суда от 08 июня 2011 г. по делу № 33-1078 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

обязательны лишь для рассмотрения, но не исполнения, в силу чего основным свойством любого акта прокурорского реагирования является его убедительность» [15, с. 118].

В результате требование встало в один ряд с иными актами прокурорского реагирования, применяемыми в рамках надзора за исполнением законов и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Одновременно в результате такой правоприменительной трактовки оно утратило качественное отличие от более традиционных актов прокурорского реагирования, а потому и оказалось слабо востребованным в практике прокурорской деятельности. Зачем использовать узкоспециализированный акт прокурорского реагирования, если это можно сделать в более традиционной и универсальной форме с тем же результатом?

Именно эти факторы, на наш взгляд, определяют незначительную практику использования требования прокурорами и можно предположить, что в дальнейшем она будет только сокращаться.

Одновременно следует обратить внимание на практику обжалования требований в суд теми лицами, которым оно адресовано, точнее, на ее отсутствие. Несмотря на то, что данное право правотворческого субъекта прямо предусмотрено и ФЗ об АКЭ (часть 4 статьи 4), и ФЗ о прокуратуре (абзац третий пункта 3 статьи 9.1), в современной судебной практике такие дела не встречаются.

Интерес в этом плане представляет позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, выраженная им в 2011 году¹⁵, когда он признал, что рассмотрение споров, связанных с оспариванием требований, неподведомственно арбитражному суду.

Но и в рамках судов общей юрисдикции требования не обжалуются. В качестве исключения можно отметить дело¹⁶, в рамках которого были оставлены без удовлетворения иски о признании требований прокуратуры Хабаровского края в части внесения изменений в целях устранения коррупционных факторов незаконными. Фактически суды отказались оценивать требование прокуратуры на предмет его обоснованности.

¹⁵ Определение ВАС РФ от 03 февр. 2011 г. № ВАС-226/11 по делу № А03-3689/2010 // СПС «Консультант-Плюс». Документ опубликован не был.

¹⁶ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 10 июня 2015 г. по делу № 33-3813/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

А изучение решения суда показывает, что истинной причиной оспаривания требования явилось то обстоятельство, что «в случае неисполнения требования, содержащегося в требовании прокурора края, соответствующее должностное лицо может быть привлечено к административной ответственности». Таким образом, данное решение лишь подчеркивает тот факт, что в обычной ситуации требование в судебном порядке не оспаривается.

Оценивая эту ситуацию, согласимся с Н. Алешковой, что оспаривание требования в судебном порядке «не имеет особого правового смысла, поскольку орган власти не заинтересован тратить время и силы на обжалование акта прокурорского реагирования, если он может просто не выполнять соответствующее требование прокурора, а правильность или неправильность подобных действий будет определена в ходе судебного разбирательства, инициированного не согласным с ними органами прокуратуры» [14, с. 14].

В свою очередь, со стороны работников прокуратуры требование будет востребовано лишь в том случае, когда антикоррупционная экспертиза проводится как самостоятельная деятельность прокурора в отношении действующего нормативного правового акта. В случае же, когда коррупционные факторы выявлены в нормативном правовом акте наряду с иными нарушениями законности в рамках надзорной деятельности, предпочтение будет явно отдаваться более универсальным актам прокурорского реагирования – протесту или представлению.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что автор сознательно избегал ссылок на акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регулирующие вопросы осуществления антикоррупционной экспертизы прокуратурой. С появления данного института этот вид прокурорской деятельности регулировался Приказом Генпрокуратуры России «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов»¹⁷ (далее – Приказ № 400). Однако в октябре 2022 года Генеральная прокуратура Российской Федерации провела кодификацию своих руководящих актов в части противодействия коррупции и приказы, регламентирующие разные аспекты

¹⁷ Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов: приказ Генпрокуратуры России от 28 декабря 2009 г. № 400 // Законность. 2010. № 4.

участия прокуроров в противодействии коррупции¹⁸, были заменены единым комплексным документом – Приказом Генпрокуратуры России «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»¹⁹ (далее – Приказ № 581). Именно этот документ предопределяет практику прокурорской работы как минимум на десятилетие вперед.

При анализе положений Приказа № 581 в первую очередь бросается в глаза объем положений, посвященных проведению прокурорами антикоррупционной экспертизы. Если Приказ № 400 содержал 7 содержательных пунктов, часть из которых была разбита на подпункты, то Приказ № 581 уделяет вопросам проведения прокурорами антикоррупционной экспертизы 6 подпунктов (2.22–2.27). Фактически регулирование данного вида работы свелось к указанию на необходимость ее делать во взаимодействии с иными субъектами противодействия коррупции и отражать результаты в документах статистической отчетности. Применительно к требованию лишь детализируются положения закона о необходимости отражения в нем предложений по устранению коррупционных факторов: уточняется, что это может быть внесение изменений в нормативный правовой акт, отмена нормативного правового акта (или его отдельных норм), разработка и принятие иного нормативного правового акта, устраняющего коррупционный фактор (пункт 2.24). Указывается также на необходимость обеспечения рассмотрения требования в присутствии представителей прокуратуры, а при его отклонении – на обращение в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством (пункт 2.25). Содержательно эти положения дублируют нормы законов и ранее действовавших положений Приказа № 400.

¹⁸ Помимо Приказа № 400 также отменены следующие акты: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 авг. 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции»; приказ Генерального прокурора РФ от 14 апр. 2015 г. № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона»; указание Генерального прокурора РФ от 14 мая 2019 г. № 341/86 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по привлечению к ответственности юридических лиц, от имени или в интересах которых совершаются коррупционные преступления».

¹⁹ Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: Приказ Генпрокуратуры России от 10 окт. 2022 г. № 581 // Законность. 2022. № 11.

Прокурорам уже не предписывается, как это было ранее в Приказе № 400, осуществлять организационные мероприятия, направленные на реализацию полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (пункты 1.1–1.4), руководителям органов прокуратуры лично участвовать в заседаниях представительных органов при рассмотрении требований и занимать активную позицию, разъяснять негативные последствия практики правоприменения нормативных правовых актов, содержащих коррупционные факторы (пункт 1.6), продолжить практику информирования соответствующих органов и должностных лиц о наличии коррупционных факторов в нормативных правовых актах, не относящихся к категории актов, проверяемых прокуратурой (пункт 1.10). А также не установлено никаких конкретных сроков по изучению прокурорами нормативных правовых актов на предмет наличия в них коррупционных факторов. Кроме того, форма типового бланка требования, прежде утвержденная в Приложении № 1 к Приказу № 400, не была продублирована в Приказе № 581. Отсутствие этой формы наводит на мысль, что Генпрокуратура России допускает изложение требований прокурора об изменении нормативных правовых актов не в качестве самостоятельного документа, а в рамках иных форм прокурорского реагирования – протестов и представлений.

Таким образом, Генпрокуратура России уже не предписывает прокурорам осуществлять антикоррупционную экспертизу на системной основе. Она может проводиться ситуационно – при появлении в этом необходимости. Воспользовавшись терминологией, предложенной Ю.О. Карпышевой [16], можно сделать вывод, что Приказ № 581 исходит из концепции осуществления прокурорами антикоррупционной экспертизы в рамках проверок соответствия законам нормативных правовых актов, издаваемых поднадзорными лицами, тогда как Приказ № 400 исходил из необходимости надзорного сопровождения законности нормативных правовых актов.

Все сказанное позволяет сделать вывод о существенном ослаблении интереса прокуратуры к деятельности по проведению антикоррупционной экспертизы. Основное внимание в Приказе № 581 уделяется таким специфичным направлениям работы прокуратуры, как контроль за расходами должностных лиц, надзорная деятельность, связанная с выявлением и пресечением коррупционных правонарушений, в том числе влекущих увольнение в связи с утратой доверия. И такая политика представляется вполне

оправданной, так как наибольшую опасность для общества несут именно коррупционные правонарушения. В науке справедливо отмечается, что лишь благодаря полноценной и правильно выстроенной системе ответственности можно ожидать положительного результата в борьбе с коррупцией в органах публичной власти [17, с. 681]. Антикоррупционная же экспертиза относится к мерам, направленным на предупреждение коррупции. Это не означает, что она неважна. Напротив, профилактика правонарушений способна решить задачу в полном объеме, в то время как борьба с ними касается лишь отдельных проявлений. Однако, как представляется, на современном этапе потенциал антикоррупционной экспертизы как средства предупреждения коррупционных правонарушений исчерпан. Свою роль в формировании правотворческих технологий юридико-лингвистической формулировки нормы она сыграла. А для качественной оценки коррупционных рисков той или иной нормы требуется переосмысление природы и задач анти-

коррупционной экспертизы и полный пересмотр методики ее проведения, к чему в настоящий момент нет политического интереса.

И можно с уверенностью утверждать, что в ближайшее время количество случаев проведения прокурорами антикоррупционной экспертизы действующих нормативных правовых актов будет лишь уменьшаться, а случаи внесения правотворческому субъекту требований об изменении нормативных правовых актов будут единичны.

В целом же введение требования как самостоятельного акта прокурорского реагирования следует признать неудачным правовым экспериментом. И, возможно, законодателю стоит рассмотреть вопрос об его исключении из действующего правового регулирования. Ведь системная работа по созданию механизма противодействия коррупции требует отказа от не оправдавших себя инструментов, завершения неудачных экспериментов — это неотъемлемое условие повышения эффективности публичного управления в Российской Федерации [9, с. 117].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судакова Т.М. Антикоррупционная экспертиза в оценках эффективности антикоррупционной политики / Т.М. Судакова, Н.В. Васильева. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(5).689-698. — EDN YTNXDF // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 5. — С. 689–698.
2. Хохрякова Э.А. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры: постановка проблемы / Э.А. Хохрякова. — EDN VNAJBQ // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 3 (18). — С. 93–96.
3. Гордиенко Д.А. Антикоррупционная экспертиза как способ противодействия коррупции: история проведения антикоррупционной экспертизы на современном этапе развития российского законодательства / Д.А. Гордиенко. — EDN TWJRYX // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — С. 41–46.
4. Бахтина М.С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков / М.С. Бахтина, С.Д. Хазанов. — EDN WDNSMV // Российский юридический журнал. — 2016. — № 3 (108). — С. 59–67.
5. Клюковская И.Н. Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов / И.Н. Клюковская, Р.К. Мелекаев. — EDN PBNJLL // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 134–137.
6. Россинская Е.Р. О комплексной природе антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшин. — EDN PFQSAF // Lex Russica. — 2012. — Т. 71, № 5. — С. 1048–1063.
7. Филатов С.В. Обращение прокурора в суд в целях исключения коррупциогенных факторов из нормативных правовых актов / С.В. Филатов. — EDN WJATMH // Администратор суда. — 2016. — № 3. — С. 40–42.
8. Перевалов В.Д. О методологических основах эффективности мер противодействия коррупции / В.Д. Перевалов, С.Д. Хазанов. — EDN VWZUQZ // Российский юридический журнал. — 2016. — № 2. — С. 23–29.
9. Баранов В.М. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент / В.М. Баранов, А.Р. Лаврентьев, Н.А. Трусов. — DOI 10.31857/S102694520018441-6. — EDN AANQSL // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 110–119.
10. Пригорша П.А. Требование прокурора как средство обеспечения исполнения закона : теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / П.А. Пригорша. — Екатеринбург, 2011. — 27 с.
11. Корешникова Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения законов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Н.Р. Корешникова. — Екатеринбург, 2010. — 22 с.
12. Филипенко С.В. Соотношение понятий: «протест» и «требование об изменении нормативного правового акта» / С.В. Филипенко. — EDN ZTYSGH // Право и правоохранительная деятельность : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов. — Саратов, 2017. — С. 128–129.
13. Петров А.И. Полномочия прокурора по устранению коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах: исторический и теоретический аспекты / А.И. Петров. — EDN MWISSB // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 4. — С. 259–261.
14. Алешкова Н. Требование прокурора об изменении нормативного правового акта при выявлении в нем коррупциогенных факторов / Н. Алешкова. — EDN PLCVMN // Законность. — 2012. — № 12. — С. 10–14.

15. Ергашев Е.Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры / Е.Р. Ергашев. – EDN JUHOZT // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 116–119.

16. Карпышева Ю.О. О необходимости совершенствования предмета прокурорского надзора за исполнением законов / Ю.О. Карпышева. – DOI 10.17150/1819-0928.2022.23(1).95-102. – EDN UOKVTN // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 95–102.

17. Малько А.В. Современные пути борьбы с проявлениями коррупции в системе органов публичной власти / А.В. Малько, Р.С. Маркунин. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678–688. – EDN SOQXVR // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 678–688.

REFERENCES

1. Sudakova T.M., Vasilyeva N.V. Anti-corruption expertise in evaluating the effectiveness of the anti-corruption policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 689–698. (In Russian). EDN: YTNXDF. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).689-698.

2. Khokhryakova E.A. Conducting Anti-corruption Examination of Normative-legal Acts by the Bodies of the Prosecution: Statement of the Problem. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = The Rule of Law: History, Theory, Practice*, 2018, no. 3, pp. 93–96. (In Russian). EDN: VNAJBQ.

3. Gordiyenko D.A. The Anti-corruption expertise as a way of Combating Corruption: a History of Anti-corruption Expertise on the Modern Stage of Development of the Russian Legislation. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 12, pp. 41–46. (In Russian). EDN: TWJRYX.

4. Bahtina M.S., Khazanov S.D. Anti-corruption Expertise of Normative Legal Acts as a Mean to Reduce Corruption Risks. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 3, pp. 59–67. (In Russian). EDN: WDNSMV.

5. Klyukovskaya I.N., Melekaev R.K. Legal nature and principles of criminological anti-corruption examination of regulatory legal acts. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 5, pp. 134–137. (In Russian). EDN: PBHJLL.

6. Rossinskaya Y.R., Galyashina E.I. Complexness in Expertise of Potential Corruption of Law Act and their Projects. *Lex Russica*, 2012, vol. 71, no. 5, pp. 1048–1063. (In Russian). EDN: PFQSAF.

7. Filatov S.V. The Public Prosecutor's Judicial Recourse to Exclude Corruptogenic Factors from Normative Legal Acts. *Administrator suda = Court's Administrator*, 2016, no. 3, pp. 40–42. (In Russian). EDN: WJATMH.

8. Perevalov V.D., Khazanov S.D. On the Methodological Basis for Evaluating the Performance of Anticorruption Measures. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2016, no. 2, pp. 23–29. (In Russian). EDN: VWZUQZ.

9. Baranov V.M., Lavrentiev A.R., Trusov N.A. Independent Anti-corruption Expertise in Russia: an Unsuccessful Experiment. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 1, pp. 110–119. (In Russian). EDN: AANQSL. DOI: 10.31857/S102694520018441-6.

10. Prigorshcha P.A. Prosecutor's requirement as a means of enforcing the law: theoretical and practical aspects. *Cand. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2011. 27 p.

11. Koreshnikova N.R. The main legal means of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a tool for ensuring the implementation of laws. *Cand. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2010. 22 p.

12. Filipenko S.V. Concepts correlation: “protest” and “requirement to change the regulatory legal act”. *Law and Law Enforcement. Materials of IV International Scientific and Practical Conference of Teachers, Practitioners, Students, Postgraduates*. Saratov, 2017, pp. 128–129. (In Russian). EDN: ZTYSGH.

13. Petrov A.I. Public Prosecutor's Powers to Eliminate Corruption Factors in Regulatory Legal Acts. Historical and Theoretical Aspects. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2010, no. 4, pp. 259–261. (In Russian). EDN: MWISSB.

14. Aleshkova N.P. Order of a Public Prosecutor to Change a Legal Act Containing Corruption-Related Elements. *Zakonnost' = Legality*, 2012, no. 12, pp. 10–14. (In Russian). EDN: PLCVMN.

15. Ergashev E.R. The Notion and Classification Of the Legal Means Applied by the Procuracy. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2007, no. 1, pp. 116–119. (In Russian). EDN: JUHOZT.

16. Karpysheva Yu.O. On the Need to Improve the Subject of Prosecutorial Supervision Ensured Compliance with Laws. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 95–102. (In Russian). EDN: UOKVTN. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).95-102.

17. Malko A.V., Markunin R.S. Modern Ways of Combating Corruption in the System of Public Authorities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 678–688. (In Russian). EDN: SOQXVR. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).678-688.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Васильевна Праскова – кандидат юридических наук, доцент, директор Института государственного права и национальной безопасности. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID AAC-8601-2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Praskova – PhD in Law, Associate Professor, Director of the Institute of State Law and National Security. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID AAC-8601-2020

Поступила в редакцию / Received 14.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted 15.12.2022